

2002.04.039. ЦЕХЕР Р. ЦЕЛЬ ЕДИНСТВА: УСЛОЖНЕНИЕ ИДЕИ ИЛИ РЕЗУЛЬТАТ ПРОЦЕССА САМООРГАНИЗАЦИИ?: СПЕКУЛЯТИВНАЯ «НАТУРФИЛОСОФИЯ» ШЕЛЛИНГА И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ: СОБЕСЕДНИКИ ЛИ ОНИ В ВОПРОСЕ ОБ ОСМЫСЛЕНИИ НАТУРФИЛОСОФИИ?

ZECHER R. Das Ziel der Einheit: Verwicklung einer Idee oder Ergebnis eines Selbstorganisationsprozess?: Schellings spekulative «Naturphilosophie» und die Evolutionstheorie: Gesprächspartner in der Frage nach einer Rückbesinnung auf die Naturphilosophie? – Frankfurt a. M.: Lang, 2000. – 359 S.

Книга Райнхарда Цехера (доцента философского семинара Майнцкого университета, Германия) посвящена 65-летию известного историка философии Томаса Зибомы.

Автор стремится осмыслить место философии природы в системе философского знания. С распадом немецкого идеализма, пишет он, разрушилось системосозидание, была утрачена философская традиция, задачей которой было достижение единства в многообразии чувственных и духовных феноменов. Важнейшая традиция философствования стала маргинальной. На вызов времени современная мысль скорее отзывается, чем осуществляется (zu reagieren anstatt zu agieren). На это указывают выражения «лингвистический поворот», «когнитивный поворот», «прагматический поворот» и т.п. (с.7), знаменующие радикальный отход от традиционной онтологии и указывающие на мощное влияние естествознания. Общим для этих «поворотов» является замена одного понятийного аппарата другим: то, что вчера считалось одной истиной, сегодня заменяется другой. Истина оказывается непостоянной. Естественнонаучная методологическая парадигма овладела философской теорией познания, так что наличное существование человека и даже самой природы оказалось подчиненным редукционистско-механистическому объяснению.

Автор хотел бы преодолеть догматическое притязание этой методологии, как и связанные с ней последствия неадекватного понимания природы и натурфилософии, опираясь при этом на философию Ф.Шеллинга, прежде всего на его работы по

натурфилософии. Речь идет об историческом развитии природы, которое не помешало Шеллингу сохранять идеалистическую позицию как раз в то время, когда формировались конкретные естественнонаучные дисциплины, экспоненциально рос объем эмпирических разработок и все явственнее становился разрыв между мыслью, исследованием и практикой. Сравнивая натурфилософию Шеллинга с эволюционной теорией, автор видит их различия в том, что первая не мыслит природу вне человека, а вторая пытается обойтись без него, претендуя на место классической онтологии. Более того, новейшие течения упраздняют саму философию природы. По словам М.Дришнера, «натурфилософия как специальность исчезла из академического потребления. Остались различные подходы, обращенные к отдельным областям науки. Мы стали относительно свободными... Теперь философское понимание природы требует обращать внимание на неординарные темы» (цит. по: с.17).

Автор считает, что натурфилософия важнее, чем философия естествознания: она связана с антропологией и с поисками единства. Первая и вторая часть книги посвящены рассмотрению основ эволюционной теории и натурфилософии Шеллинга. Речь идет об их методико-методологических и научно-теоретических принципах, а также о понимании природы. В третьей части, сопоставляя эволюционно-биологический проект и натурфилософские начала философии Шеллинга, автор хотел бы совместить классические натурфилософские позиции с эволюционной теорией самоорганизации. Речь идет о понятийных определениях природы и натурфилософии, относящихся к интерпретации и оценке натурфилософии Шеллинга и эволюционной теории. Сравнение их взаимоотношений позволяет сопоставить системы натурфилософии и философии естествознания, особенно то, какое место занимает в них проблема человека и какой образ человека может опосредовать обе системы.

Сравнение эволюционно-теоретического, естественнонаучного и основанного на тождестве философско-спекулятивного понимания природы требует интердисциплинарного подхода и предполагает выработку формально-операциональных критериев в определении единства научной аргументации и понятия единства

мира. Это единство Н.Гартман, к которому присоединяется автор, видел в наличии различных систем, существенно различающихся как по структуре бытия, так и по способам его изменения. Именно эти системы образуют взаимосвязанное строение мира, различающееся по уровням бытия. Сознвая сложное строение мира и многообразные связи его составных частей, необходимо помнить о том, что за природными явлениями таится духовная и идеальная действительность, и в этой связи «натурфилософия является (натур)онтологией» (с.117), поэтому она открыта и человеку и целостной действительности, поскольку природа и культура взаимосвязаны чувственно и логически.

Натурфилософия обращена к разнообразным уровням бытия, поэтому она по своему предмету выше естественнонаучного знания, которое неспособно полностью познать природу ни предметно, ни содержательно, поскольку ограничено формальными правилами и поддается изучению дедуктивно-номологически и индуктивно-логически в причинно-аналитическом, статистическом и других отношениях. Несмотря на эти методические ограничения эмпирические науки необходимы для познания природных феноменов в их полноте. Но натурфилософия не может ограничиваться естествознанием, как и его теориями и понятийными системами.

Несмотря на недоступность духовного бытия чувственному познанию нельзя заключать, что оно не существует и непознаваемо, хотя бы потому, что обнаруживается согласованность между бытием и логосом. Так, отличие природных феноменов по структурированности, ступеням и порядку бытия совпадает с рациональным определением его единства. Любое природное сущее телеологично; природа целесообразна и ее смысл важнее пользы. Природу следует понимать в ее полноте как творение, существующее в становлении и исчезновении. Поэтому вопросы «откуда», «как», «почему» и «куда» имеют для натурфилософии с онтологической и телеологической точки зрения особое значение.

Человек — дитя культуры и в то же время его жизнь фундаментально зависит от природы; он обращает вопросы ко всем сферам своего существования, как к культуре, так и к природе.

Учитывая результаты исследования, достигнутые естествознанием посредством аналитического и др. точных методов, натурфилософия призвана дополнять их онтологическими и герменевтическими методами. Натурфилософия прежде всего спрашивает, «что» лежит в основе того или иного явления, и пытается дать онтологический ответ, в то время как естествознание хочет получить ответ на вопросы «как» и «откуда», приводящие к инструментально-техническому результату.

Эксперимент всегда имеет рационально обусловленные смысл и цель, которые позволяют, к примеру, запрограммировать условия селекции. Но он не имеет дела с энтелехией. И когда говорят о происхождении и развитии жизни, экспериментально нельзя доказать ни ее «необходимую случайность», «ни случайную необходимость». Казалось бы, случайность порождает бессмысленные следствия, но бессмыслица, да и хаос, породили космос, смысл и порядок — такого рода высказывания можно оценить как логические, так и онтологические: ни один экспериментатор, структурируя порядок бытия, не примет хаос за основу. Занимаясь проблемами эволюции, экспериментатор возвышается до телеологического уровня, оставаясь на поле аналитического метода. Объективность результата опыта выявляется во взаимосвязи с его финалом.

Что касается эволюционной теории в ее движении к единству как самоорганизации, то в его основе лежат принципы мутации и селекции как главные силы эволюции. Как теория самоорганизации она являет собой биофизикалистскую интерпретацию этих принципов. Объясняя происхождение органической жизни, ведут речь о том, что в основе жизни лежат физико-биохимические процессы, а это является предельным редукционизмом.

В эволюционной теории видят предпосылки и начальные условия саморепликации в протеине, обеспечивающем ее функцию и в рибонуклеиновой кислоте (РНК), переносящей информацию. Но объяснение мутации и селекции требует также понимания того, как из хаоса, из первозданного «супа» мог возникнуть биологический порядок, приведший к возникновению такой самоорганизации, которая породила органическую жизнь. Ни мутация и селекция, ни случайность и

необходимость не могут быть самоорганизационным принципом эволюционной теории, пока она ограничена материальными, функциональными, операциональными и информационными понятиями. Нельзя с их помощью объяснить феномен человека, целое клетки и направленность ее деления. Инструментарий саморепликации, как, впрочем, и сама эволюционная теория не различают между завершенностью индивида и направленностью эволюции.

Любая самость смысловорна, а не самопроизводна; она наделена собственной целью, поэтому для нее и ее онтогенеза следует принимать в расчет способ и пути развития, как и понятия «жизненного пространства» и «жизнейской общности». Отсюда вытекает возможность «поворота» эволюционной теории познания, в основе которой продолжают лежать мутация и селекция; ее понятийный аппарат следует приспособить к изучению среды и процесса получения знания.

Подобная подгонка, однако, позволяет исследовать именно среду, а не мир в целом, который не может стать предметом такого познания. Речь идет скорее о познании «мезокосмоса» предмета исследования, которое не может быть полным и окончательным. Цель подобных исследований – изучить выживаемость организмов и укрепление их репродуктивной способности. По мнению автора, такую теорию следует понимать как натуралистически-материалистическую интерпретацию кантовского априоризма. Считают, что в данном случае познание может предстать как исключительно формализованный процесс, а приспособленность метода к данности противоречит интенциональности и творческому началу человека. Тем не менее, понятие подгонки имеет биологическое значение.

Конечно, психическая жизнь любого живого существа превосходит рамки этого понятия. В языке человека картина мира не содержит собрания дат; речь идет о значении мира в поисках истины. Причем имеют в виду не наличное бытие или срок жизни, не биологическое существование, а ценностное содержание истины и ее отношение к бытию. Такова натурфилософия Шеллинга. Его мысль о единстве и тождестве господствует в его натурфилософии и определяет экспериментальную установку. Природа опирается на

собственные производящие силы, и дух конструирует себя в ее продуктах. Любое явление природы выражает единство духа и материи, и любое осмысление природы предполагает конструирование ее эволюции на основе этого единства.

Поэтому в натурфилософии Шеллинга нет объяснительных моделей, эмпирическое знание не имеет ценности. Оно завершается, корректируется и обретает цель в натурфилософии, способом познания которой является исключительно интеллектуальное созерцание, а методом – конструирование на спекулятивном уровне. Автор противопоставляет спекулятивному методу и конструированию, так как интеллектуальное созерцание противоречит критериям научного исследования. Однако он считает возможным диалог между спекулятивной мыслью и естественнонаучным знанием: хотя природа не может быть объяснена, она может быть понята как целостность. Природа – интегральная часть мира, она имеет решающее значение для самочувствия человека, который как бы увенчивает природу на ее языковом уровне.

Внимание к духовной стороне мира формирует значимое содержание развития природы и деятельности: природа возвышается и облагораживается в символике слова; Шеллингово понятие высшего опыта обретает тем самым смысл. Природа – метафора и чувственный образ абсолюта, в которой свободная деятельность человека (в сознании, в деятельности, в произведениях искусства) стремится к ее полноте, к изначальной вечности, истине и бытию. В этом смысле проблема единства не может служить конечной целью самоорганизации эволюционной теории, и эта теория отпадает как собеседник в вопросе о самоосмыслении натурфилософии. И все же, отвлекаясь от философии тождества, идеи Шеллинга открывают возможность осуществления единства. В этом отношении его натурфилософия способна внести конструктивный вклад в осмысление философии природы в указанном смысле.

И.С.Андреева